

ТРЕТЬЕ ЗАСЕДАНИЕ

Понедельник 28 января 1946 года, 3 ч. дня Черч Хауз, Вестминстер, Лондон

Председатель: Г-н Н. Дж. О. МЕЙКИН (Австралия)

Присутствуют представители следующих стран: Австралии, Бразилии, Египта, Китая, Мексики, Нидерландов, Польши, Соединенного Королевства, Соединенных Штатов Америки, Союза Советских Социалистических Республик и Франции.

16. Предварительная повестка дня

1. Утверждение повестки дня.
2. Письмо главы делегации Ирана от 19 января 1946 г. на имя Исполнительного секретаря²¹.
Письмо главы делегации СССР от 24 января 1946 г. на имя Председателя Совета Безопасности (документ S/W/2)²¹.
3. Письмо и. о. главы делегации СССР от 21 января 1946 г. на имя Председателя Совета Безопасности²².
4. Письмо главы делегации Украинской ССР от 21 января 1946 г. на имя Председателя Совета Безопасности²³.
5. Письмо главы делегации Югославии (дата не указана) на имя Исполнительного секретаря²⁴.

17. Киносъемка заседаний

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Первым вопросом, который я хотел бы предложить членам Совета Безопасности, является вопрос о киносъемке заседаний настоящей сессии. Испрашивается разрешение заснять не какую-нибудь часть заседания, но все заседание целиком. Сегодня утром, когда ко мне обратились по этому делу, я сказал, что Совет быть может согласится на то, чтобы 10 или 15-минутный период его заседания был заснят для целей документации, но очевидно, что это совершенно не достаточно для тех, кто заинтересован в съемке заседаний. Как я понял из объяснений представителей печати по этому вопросу, они считают, что для целей полной документации необходимо, чтобы было заснято все заседание.

Я хотел бы теперь, чтобы члены Совета высказали свое мнение о том, не вызовет ли это неудобства или беспокойства. Могу добавить, что представители печати обещали довести освещение до минимума, чтобы не причинить членам Совета больше беспокойства в их совещаниях, чем это необходимо для съемки заседаний. Имеет ли кто-либо из членов Совета что сказать по вопросу о том, должно ли быть заснято все заседание целиком или только его часть?

Г-н БЕВИН (Соединенное Королевство) (*говорит по-английски*): Быть может мы и очень

привлекательны, так что все желают нас видеть, но эти лампы причиняют большое неудобство. По-моему, если бы им предоставить какое-нибудь определенное время для заснятия заседания в наизидание потомства, этого было бы достаточно, и мы могли бы заниматься своим делом без излишних помех.

БАДАВИ-паша (Египет) (*говорит по-английски*): Я того же мнения. Им можно было бы предоставить десять или пятнадцать минут, но не все время. Они могли бы делать время от времени две-три коротенькие киносъемки во время заседания.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Мне было объяснено, что снимать заседание от времени до времени нельзя, а либо в течение одного короткого периода, либо все заседание от начала до конца. Позвольте мне предложить, чтобы мы разрешили съемку в течение пятнадцати минут, а затем решили, надо ли ее прекратить. Съёмщики должны иметь в виду, что разрешение дается им только на четверть часа, после чего мы обсудим, производить ли дальнейшую съемку настоящего заседания Совета Безопасности.

18. Утверждение повестки дня

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Первым пунктом повестки дня является утверждение повестки настоящего заседания Совета Безопасности. Я должен сообщить, что после документов, относящихся к пункту 2, было получено еще одно сообщение от делегации Ирана, каковое и было роздано. Желает ли Совет к уже перечисленным в пункте 2 документам добавить еще ноту от 26 января 1946 г. от главы иранской делегации Председателю Совета Безопасности²⁵ Если нет возражений, я заключаю, что предложение принято.

Предложение принимается.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Затем еще следующее: Прежде чем мы фактически примем пункт 1 повестки дня, у нас есть сообщение представителя Югославии, в коем доводится до сведения Совета Безопасности заявление Албании о принятии ее в число членов Организации Объединенных Наций²⁶. Произошло досадное недоразумение в связи с внесением его сегодня в повестку дня, и я предоставляю теперь слово Исполнительному секретарю, чтобы он объяснил, как именно это случилось.

ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРЬ (*говорит по-английски*): Я должен принести мое извинение, г-н Председатель, за ошибку, происшедшую по моей вине. Из письма от 26 января²⁷, которое я от вашего имени написал членам Совета,

²¹ См. Официальные отчеты Совета Безопасности, первый год, первая серия, Дополнение № 1, приложение 2А.

²² Там же, Дополнение № 1, приложение 3.

²³ Там же, Дополнение № 1, приложение 4.

²⁴ См. Официальные отчеты Совета Безопасности, первый год, первая серия, Дополнение № 1, приложение 5.

²⁵ См. Официальные отчеты Совета Безопасности, первый год, первая серия, Дополнение № 1, приложение 2А.

²⁶ Там же, Дополнение № 1, приложение 5.

²⁷ Там же, Дополнение № 1, приложение 5.

вы увидите, что я поднял об этом вопрос и указал на ваше желание, чтобы Совет обсудил в начале сегодняшнего заседания, должен ли этот пункт быть включен в повестку дня, или нет. Из самого письма ясно, что пункт 5 не должен был быть внесен в проект повестки дня, который был приложен. Вам предоставляется теперь решить, должен ли он оставаться на повестке дня.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Могу ли я считать, что Совет желает, чтобы сообщение Албании рассматривалось как пункт повестки дня?

Г-н СТЕТТИНИУС (Соединенные Штаты Америки) (*говорит по-английски*): Вы вспомните, что я кратко коснулся этого вопроса на нашем последнем заседании. Ввиду позиции, занятой Исполнительным комитетом, равно как и Подготовительной комиссией, в том, что новые заявления о принятии в состав Организации не будут рассматриваться на первой части сессии Генеральной Ассамблеи, я считаю, что было бы лучше всего не включать этого пункта в повестку дня настоящего заседания Совета. Принятие новых членов Организации есть серьезный и важный вопрос, требующий самого тщательного рассмотрения со стороны членов Организации Объединенных Наций. При таких обстоятельствах очевидно, что единственно правильным и справедливым способом надлежащего и исчерпывающего рассмотрения заявлений о приеме новых членов в Организацию было бы отложение такого рассмотрения до некоторого срока, предшествующего началу второй части сессии Генеральной Ассамблеи, с тем чтобы Совет Безопасности имел возможность изучить всю совокупность заявлений, которые поступят к тому времени.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Это ваше официальное предложение?

Г-н СТЕТТИНИУС (Соединенные Штаты Америки) (*говорит по-английски*): Мое предложение заключается в том, чтобы этот пункт не включался в повестку дня настоящего заседания.

Г-н МОДЗЕЛЕВСКИЙ (Польша) (*говорит по-французски*): Я сомневаюсь, чтобы мы подали хороший пример, отсрочив вопрос о принятии Албании. Организация Объединенных Наций заинтересована в том, чтобы государства, достойные быть членами Организации, не ждали слишком долго после подачи заявлений о приеме. Ничто не мешает нам изучить вопрос по существу, если не сегодня, то на нашем следующем заседании.

Г-н де ФРЕЙТАС-ВАЛЛЕ (Бразилия) (*говорит по-английски*): Я думаю, что дело не в данном заявлении Албании. Дело в том, что было бы много лучше, если бы мы изучали все заявления о приеме новых членов в промежутках между сессиями Ассамблей, а Совет Безопасности собирался бы накануне начала сессии Ассамблеи, чтобы составить о них доклады. Это вопрос принципа, касающегося всех новых заявлений.

Г-н БЕВИН (Соединенное Королевство) (*говорит по-английски*): Я поддерживаю эту точку зрения.

А. Я. ВЫПИНСКИЙ (Союз Советских Социалистических Республик): Нет надобности один вопрос о принятии в члены Объединенных Наций какой-нибудь страны связывать с другим или с рядом других вопросов аналогичного порядка. Мне кажется, наоборот, что будет очень удобно и необходимо рассматривать любые заявления по этому вопросу по мере того, как они будут поступать, и кроме того, насколько я понял, на прошлом заседании Совета Безопасности²⁸ было решено, чтобы вопрос относительно принятия членом в Объединенные Нации Албании был включен в повестку дня следующего заседания Совета Безопасности. Поэтому мне представляется, что этот вопрос надо включить и обсудить по существу.

БАДАВИ-паша (Египет) (*говорит по-английски*): Вопрос зависит в значительной мере от предполагаемой продолжительности настоящей части сессии Генеральной Ассамблеи. Было бы удобно, если бы мы могли заранее сказать, как долго продлится настоящая часть сессии. Естественно, коль скоро это вопрос времени и возможности обсудить заявление, нам трудно прийти к какому-либо решению, если нам не будет что-нибудь известно относительно продолжительности настоящей части сессии Генеральной Ассамблеи.

Г-н Веллингтон КУ (Китай) (*говорит по-английски*): Вопрос о заявлении Албании имеет в действительности две стороны: одна — это сторона принципиальная, а другая — вопрос процедуры. Я думаю, что в принципе каждая миролюбивая нация может просить о принятии ее в число членов Организации, а дело Совета Безопасности принимать по этому поводу решения. Поэтому, что касается включения этого вопроса в повестку дня, то я лично думаю, что мы, пожалуй, можем это сделать, если против этого нет серьезных возражений. Но есть также вопрос процедуры. Это первое заявление, и Совет еще только организуется. Я думаю, что для того, чтобы рассмотреть не только данное, но и любое другое заявление, Совет естественно пожелает выработать некоторую процедуру, которая была бы применима ко всем случаям.

Если эта точка зрения правильная, то Совет, по-моему, будет иметь полное основание решить вопрос о том, когда поставить этот вопрос на обсуждение и не следует ли прежде всего учредить небольшой подкомитет, который бы предложил известную процедуру для рассмотрения заявлений вообще. Другими словами, я рассматриваю этот вопрос, как состоящий из двух частей. С одной стороны есть вопрос принципа, который, казалось бы, должен побудить нас поставить этот вопрос на повестку дня. С другой стороны, Совет сам себе хозяин и может решить — когда приступить к обсуждению любого вопроса. Прежде чем приступить к рассмотрению какого-либо заявления, было бы по-моему желательно иметь какую-то простую процедуру, которая будет применима не только к этому случаю, но также и к другим.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Я должен заметить представителю Соединенных Штатов, что, даже если этот пункт будет поставлен на повестку дня, он и тогда будет иметь

²⁸ См. стр. 11.

право вносить все надлежащие предложения, относящиеся к предлагаемому им образу действий. Факт внесения в повестку дня этого пункта в данной стадии не предпрещает дела. Вопрос этот будет обсуждаться, когда мы дойдем до этого пункта повестки дня, и тогда представитель Соединенных Штатов Америки или любой другой член Совета все еще сможет внести свои предложения.

Предложение представителя Соединенных Штатов Америки состоит в том, чтобы включение в повестку дня пункта, касающегося заявления Албании о принятии ее в число членов Организации Объединенных Наций, было отсрочено на некоторое время, до начала второй части первой сессии Ассамблеи Организации Объединенных Наций. Так ли это?

Г-н СТЕТТИНИУС (Соединенные Штаты Америки) (*говорит по-английски*): Важным обстоятельством, мне думается, является то, что в результате постановлений Исполнительного комитета и Подготовительной комиссии многие миролюбивые государства, желающие примкнуть к Объединенным Нациям, несомненно воздерживаются сейчас от подачи заявлений. Мое предложение, как верно указал представитель Бразилии, вовсе не направлено против Албании. Дело здесь совсем не в приеме Албании. Дело здесь просто в беспристрастии и справедливости в отношении всех миролюбивых государств, и по моему будет гораздо лучше, если мы сделаем так, чтобы весь вопрос в целом был поднят и рассмотрен на будущей сессии Ассамблеи.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Я поставлю теперь этот вопрос на голосование Совета. Тех, кто за предложение представителя Соединенных Штатов Америки о том, чтобы вопрос был отложен и не вносился в настоящее время в повестку дня Совета Безопасности, прошу поднять руку.

Производится поднятие рук.

Кто против?

Производится поднятие рук.

Кто воздержался?

Производится поднятие рук.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Боюсь, что некоторые члены Совета не вполне поняли положение.

Г-н ПОЛЬ-БОНКУР (Франция) (*говорит по-французски*): Я воздержался от голосования и хочу объяснить причину. Представитель Соединенных Штатов Америки просил отсрочить вопрос до второй части настоящей сессии Ассамблеи. Представитель Китая предложил, чтобы мы сначала установили процедуру, и я вполне разделяю это предложение. Но имел ли он в виду, чтобы мы теперь же установили процедуру и чтобы вопрос о приеме Албании мог быть рассмотрен на настоящей сессии, или же его предложение предполагало, как и требование представителя Соединенных Штатов Америки, что албанский вопрос будет внесен на повестку дня будущей сессии Ассамблеи? Я воздержался, так как не уверен в точном значении предложения.

БАДАВИ-паша (Египет) (*говорит по-английски*): Заявление внесено в повестку дня Совета, в теперешнюю повестку дня Совета. Из этого следует, что оно должно быть обсуждено в течение

настоящей или следующей недели. Предложение представителя Китая сводится к установлению различия между действительной повесткой дня и своего рода постоянной повесткой дня для Совета, на которую он соглашался поставить это заявление. Если допустить различие между фактической, немедленной повесткой дня и общей повесткой дня, состоящей из переданных Совету вопросов в порядке их поступления, то не может быть никаких возражений против внесения данного заявления в общую повестку дня. Но, как я уже сказал раньше, дело в том, что мы не знаем, сколько времени будет предоставлено нам на этой части сессии для обсуждения этого вопроса. В предположении, что будут обсуждаться общие принципы, применимые и к другим странам, это потребует, по моему, немалого времени. Фактически, мы не в состоянии голосовать за немедленное обсуждение этого вопроса, пока у нас нет более или менее определенных указаний относительно продолжительности настоящей части сессии.

Г-н Веллингтон КУ (Китай) (*говорит по-английски*): Разрешите мне дать пояснение. Излагая только что мои взгляды, я может быть был слишком краток.

С одной стороны, я находился под впечатлением принципиального вопроса. Когда какая-нибудь нация обращается с просьбой о принятии ее в число членов Организации, соответствующее заявление может быть принято и, если это заявление составлено надлежащим образом, то нам кажется, что оно должно быть поставлено на повестку дня. Но как и когда его рассматривать и отвечают ли квалификации просителя требованиям Устава, — надлежит обсудить самому Совету. Когда должен Совет это обсудить? Решение этого вопроса всецело зависит от Совета. Таким образом, включение заявления в повестку дня никоим образом не обязывает Совет обсудить этот вопрос сегодня, завтра или на следующей неделе.

С другой стороны, на меня произвел также большое впечатление практический вопрос, поднятый представителем Соединенных Штатов Америки. Я думаю, что в вопросе такой важности — не только для одного определенного государства, подавшего заявление, но для всех, возбудивших аналогичные ходатайства, ибо это только первый случай, — Совет пожелает рассмотреть вопрос с более широкой точки зрения, подвергнуть его более тщательному изучению и формулировать, а затем окончательно принять какую-то общую процедуру, которая будет применима не только в одном случае, но ко всем заявлениям. Это представляется мне весьма желательным.

Поэтому, ввиду двусторонности вопроса я предлагаю включить его в повестку дня, предоставив Совету Безопасности полное право решить, когда его обсуждать. Лично я настаивал бы на том, чтобы Совет не принимался за его обсуждение до выработки какой-то общей процедуры, с тем чтобы, какую бы процедуру мы ни применили в данном случае, та же процедура применялась также и в других случаях. Это покажет упорядоченную систему, которой Совет Безопасности будет придерживаться при рассмотрении всех заявлений вообще.

Поэтому, когда поставили вопрос на голосование, для меня было вопросом принципа подать голос за включение заявления в повестку дня.

Но если вы поставите на голосование вторую часть вопроса в том смысле, как я только что его разъяснил, я также буду голосовать за данное заявление, так как мне кажется, что обе стороны вопроса очень полезны и очень реальны и приведут к его разрешению.

Позвольте мне добавить еще одно слово. Включению в повестку дня никоим образом не связывает Совета или какого-либо из его членов в отношении позиции, которую может занять та или иная делегация; вопрос поставлен на повестку дня и Совету предоставлено решить, когда и как приступить к его обсуждению.

Г-н МОДЗЕЛЕВСКИЙ (Польша) (*говорит по-французски*): Поднят вопрос процедуры. В связи с этим я хотел бы напомнить всем членам Совета о том, что Совет Безопасности функционирует непрерывно. Факт выработки сегодня повестки дня Совета не означает, что эта повестка должна быть обязательно сегодня же исчерпана. Настоящая сессия Генеральной Ассамблеи закончится, вероятно, в феврале, но заседания Совета будут продолжаться и он сможет поэтому продолжать рассмотрение вопросов, предложенных в течение настоящей сессии Ассамблеи. Впрочем Совету Безопасности придется разрешить много вопросов в промежутке между обеими сессиями Генеральной Ассамблеи. Вот почему я голосовал против предложения представителя Соединенных Штатов Америки.

Я голосовал за обсуждение албанского заявления, с тем чтобы другие государства, не состоящие членами Организации Объединенных Наций, не потеряли желания представить нам подобные же заявления.

А. Я. ВЫПИНСКИЙ (Союз Советских Социалистических Республик): Мне кажется, что если мы примем предложение г-на Стеттиниуса, могут возникнуть некоторые осложнения при обсуждении вопроса о приеме новых членов в Организацию Объединенных Наций.

Это предложение заключается в том, чтобы мы не обсуждали отдельных заявлений, но ожидали, пока поступит несколько таких заявлений. С одной стороны, не было сказано, сколько таких заявлений должно поступить для того, чтобы можно было считать их количество достаточным для рассмотрения вопроса. Сколько их должно быть — два, три или пять? С другой стороны, нельзя быть уверенным, что к дате, намеченной для обсуждения вопроса, накопится достаточное количество этих заявлений.

И опять-таки в статье 4 Устава, которая касается вопроса допуска новых членов, нет никакого упоминания о невозможности рассмотрения отдельного заявления. Устав не содержит оснований для поддержки предложения г-на Стеттиниуса. По сути дела я бы даже считал, что оно несколько противоречит Уставу, поскольку эта процедура может не оказать помощи приему новых членов в Организацию, но наоборот, может создать некоторые осложнения. Таким образом, это предложение не вытекает из Устава.

Поэтому я предлагаю следующее: включить в нашу повестку вопрос о приеме Албании, но вопрос о том, когда он будет рассмотрен, обсудить на одном из последующих заседаний Совета Безопасности.

Г-н ван-КЛЕФФЕНС (Нидерланды) (*говорит по-английски*): Я считаю, что предложение г-на Вышинского чрезвычайно разумно, и полагаю, что любое государство, ходатайствующее о приеме, имеет право на то, чтобы его просьба была рассмотрена без излишнего промедления. Я не думаю, чтобы было нецелесообразно — в особенности сейчас, когда Ассамблея находится в своей так сказать организационной стадии, — подготовить пути к тому, чтобы Ассамблея могла заняться этим вопросом на второй части своей первой сессии, независимо от того, сказал бы я, поступят ли за это время какие-либо другие заявления о приеме в Организацию.

Г-н СТЕТТИНИУС (Соединенные Штаты Америки) (*говорит по-английски*): Мое возражение против включения этого вопроса в повестку относится к сегодняшнему заседанию. Я хочу, чтобы г-ну Вышинскому было ясно, что я говорю не о количестве, а о сроках, о времени, когда аналогичные заявления других миролюбивых стран мира должны быть рассмотрены. Я полностью разделяю точку зрения, высказанную только что представителем Нидерландов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Могу ли я считать, что представитель Соединенных Штатов Америки согласен на предложение о включении этого пункта в повестку?

Г-н СТЕТТИНИУС (Соединенные Штаты Америки) (*говорит по-английски*): Да, поскольку речь идет о включении этого вопроса в общую повестку, относящуюся к будущей работе Совета, а не в сегодняшнюю повестку которая сейчас перед нами.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Когда этот вопрос будет включен в повестку, от членов Совета будет зависеть принять точку зрения, которую они сочтут подходящей. Могу ли я считать, таким образом, что этот пункт включен в повестку дня? Хочу напомнить вам, что имеется только одна повестка дня. Есть ли возражения?

А. Я. ВЫПИНСКИЙ (Союз Советских Социалистических Республик): Я хотел бы убедиться, правильно ли я понял предложение. Когда мы включаем вопрос в повестку, мы делаем это для того, чтобы обсудить его, а не для того, чтобы избежать его обсуждения. Поэтому, если мы решим включить вопрос о принятии Албании в число членов Организации, предполагается, что мы будем обсуждать его, а вопрос о точной дате обсуждения будет решен Советом Безопасности, и это произойдет во время настоящей сессии Ассамблеи.

Г-н БЕВИН (Соединенное Королевство) (*говорит по-английски*): Я согласен, чтобы этот вопрос был включен в повестку дня, но моя позиция такова, что я против обсуждения вопроса о приеме новых членов в Организацию в течение данной сессии Ассамблеи. Я считаю, что этот вопрос требует более длительного изучения и обсуждения. Я не возражаю против его включения в повестку, но я думаю, если я верно понял представителя Китая, что он высказался в том же смысле, как и я.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Я хочу подчеркнуть, что имеется только одна

повестка дня, и если вы включаете какой-либо пункт в повестку дня, это значит, что вы включаете его в повестку, которая подлежит обсуждению Совета в том порядке, в каком этот пункт занесен в данный список. Но Совет имеет право решить, когда он подойдет к данному пункту, следует ли подвергнуть вопрос немедленному обсуждению или его надо отложить или определить, каким иным образом вы должны осуществить функции Совета в отношении данного конкретного вопроса. Все это вы определите, когда дойдете до обсуждения этого пункта.

Г-н ПОЛЬ-БОНКУР (Франция) (*говорит по-французски*): Я хотел бы уточнить этот вопрос. Я согласен с представителем Китая, что до обсуждения вопроса о приеме новых членов мы должны выработать общие правила процедуры, с тем чтобы мы могли в каждом отдельном случае определить, имеются ли налицо условия, необходимые для приема.

Но я сожалею, г-н Председатель, что мы не имеем повидимому в виду выработать эти общие правила процедуры на настоящей сессии и что принятие новых членов, которых мы либо можем пригласить либо захотим иметь, так долго задерживается. Я согласен с представителем Китая, что необходимо, прежде чем прийти к окончательному решению по поводу определенного ходатайства о приеме, установить сначала общие правила процедуры, которые дали бы нам возможность разобраться в представляемых заявлениях и знать наверняка, отвечают ли страны-кандидаты требуемым условиям. Я позволяю себе выразить сожаление по поводу того, что мы не собираемся установить эти правила процедуры в ходе настоящей сессии и откладываем до следующей, еще только намечаемой, прием новых членов, тогда как мы, наоборот, должны были бы таковому приему всячески способствовать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Я считаю, что удобно решить этот вопрос, когда мы подойдем к этому пункту повестки дня и он будет поставлен на обсуждение Совета.

Готовы ли мы принять решение по этому вопросу? Все ли мы поддерживаем предложение о включении этого пункта в повестку? Если нет возражений, предложение принято.

Повестка дня утверждается.

19. Киносъемка заседаний

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Я должен обратить внимание Совета на то обстоятельство, что уже почти час, как включили свет, и что в течение этого времени происходила съемка заседания. Это значительно превысило срок, указанный мною ранее. Но мне хотелось бы знать, на основании произведенного Советом опыта, угодно ли ему, чтобы съемка продолжалась.

Позвольте мне предложить, чтобы мы проголосовали этот вопрос без обсуждения. Тех, кто за продолжение съемки, прошу поднять руку.

Я заключаю, что Совет желает, чтобы съемка заседания была теперь прекращена. Я попрошу кинооператоров сообразоваться погасить свет, которым они пользовались для этой цели.

20. Письмо главы делегации Ирана от 19 января 1946 г.²⁹ на имя Исполнительного Секретаря

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Мы подошли теперь к пункту 2 повестки дня. На своем последнем заседании Совет решил пригласить делегацию Ирана присутствовать при обсуждении этого пункта. Мне кажется, что Совет имел намерение действовать на основании статьи 31 Устава. Если бы Совет уже не высказался в пользу приглашения, нам может быть пришлось бы рассмотреть теперь, — ввиду иранского сообщения от 26 января, — не следовало ли бы послать такое приглашение на основании статьи 32. Об этом нам нечего больше беспокоиться. Я упоминаю об этом только для того, чтобы отчет заседания свидетельствовал о том, что мы не упустили этого из виду.

Я спрашиваю у Совета, желает ли он просить представителя Ирана занять теперь место за столом Совета, чтобы он воспользовался своим правом принять участие в обсуждении вопроса без права голоса? Я указываю на то, что право это одинаково как на основании статьи 31, так и на основании статьи 32 Устава. Имеются ли возражения против процедуры, согласно которой представитель Ирана приглашается занять место за нашим столом?

Предложенная процедура принимается.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Я попрошу представителя Ирана сообразоваться занять место за столом Совета.

Представитель Ирана занимает место за столом Совета.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Это первый случай, когда Совету Безопасности приходится действовать согласно главе VI Устава, которая озаглавлена «Мирное разрешение споров». Наш образ действия послужит вероятно прецедентом для будущих действий Совета. Со временем будут несомненно выработаны правила процедуры на основании того, что фактически сделано Советом по настоящему и подобным ему вопросам, и каждый последующий шаг будет ясно определен.

В настоящий момент наши временные правила ничего не говорят относительно этого рода вопросов. Поэтому сегодня нам придется решать процедурные вопросы по мере хода работы.

Вопрос, стоящий перед Советом, Совет должен решить сам. Прежде чем предложить членам Совета высказаться, я осмелюсь высказать предложение, которое может послужить основой для обсуждения. По данному вопросу Совет получил письменные сообщения от делегации Ирана и делегации Союза Советских Социалистических Республик. Мир имеет право ожидать, что Совет Безопасности рассмотрит все дело надлежащим образом и в соответствии с принципами справедливости и добросовестного отношения, изложенными в Уставе. Мое предложение поэтому сводится к тому, чтобы Совет начал рассмотрение этого вопроса с предоставления делегации Ирана, а затем и делегации СССР возможности сделать устные заявления в разъясне-

²⁹ См. Официальные отчеты Совета Безопасности, первый год, первая серия, Дополнение № 1, приложение 2А.

ние своих письменных заявлений или в добавление к ним. Таким путем Совет получит полное представление о рассматриваемом вопросе.

Если такая процедура будет установлена как общее правило для открытия прений по подобного рода вопросам, Совет вероятно согласится, что это обеспечит полную беспристрастность и объективность в рассмотрении данного вопроса.

Затем, после того как будут закончены эти выступления заинтересованных сторон, я поставлю вопрос на обсуждение Совета. И тогда каждый из членов Совета будет иметь право предложить любую относящуюся к делу резолюцию в рамках полномочий, предоставленных Совету Уставом.

Желает ли Совет принять процедуру, только что мною изложенную?

А. Я. ВЫШИНСКИЙ (Союз Советских Социалистических Республик): Я не возражаю против сделанного вами предложения относительно процедуры, но нужно иметь в виду одно обстоятельство. Разрешите мне напомнить, что советское правительство, отвечая на первое заявление иранского правительства, указало, что вопрос может быть разрешен двусторонними переговорами. Советское правительство не отказывается и не отказывалось урегулировать вопрос таким путем. На последнем заседании Совета Безопасности мы возражали против какого-либо обсуждения вопроса по существу, но согласились включить этот вопрос в повестку сегодняшнего заседания. Поэтому мы согласны ограничить обсуждение процедурной стороной вопроса. Мы не возражаем, чтобы здесь обсуждалась только эта сторона вопроса.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Я могу, значит, считать, что процедура, предложенная мною членам Совета, встречает согласие.

Предложенная процедура принимается.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Я приглашаю теперь представителя Ирана сделать заявление, которое было бы дополнением или пояснением к письменному сообщению Совету относительно обсуждаемого нами дела.

Г-н ТАКИЗАДЭ (Иран) (*говорит по-английски*): Я представляю меморандум³⁰, излагающий точку зрения иранского правительства относительно спора, возникшего между иранским правительством и советским правительством, на каковой спор иранское правительство обратило внимание Совета Безопасности, согласно статье 35 Устава, в письме³¹ от 19 января 1946 г. на имя г-на Гладвина Джебба, и. о. Генерального Секретаря.

Я хочу подчеркнуть, что иранское правительство, не менее чем правительство любого члена Объединенных Наций, сожалеет, что Организация в самом начале своей работы вынуждена столкнуться с ситуацией в Иране и разбирать спор между двумя членами Организации. Иранское правительство искренне сожалеет, что у него возник спор со страной, с которой его не

только связывает давнишняя дружба, но которая является также его союзником по трехстороннему договору о союзе от 29 января 1942 года³². Иран в немалой степени помог советской победе тем, что предоставил все свои ресурсы в распоряжение союзников для ведения войны, и весьма значительное количество предметов военного снабжения поступило в Советский Союз через Иран, через который в то время проходили едва ли не единственные пути сообщения с Советским Союзом. Иранские железные дороги, почтовые дороги и все виды транспорта были использованы для этой цели даже ценой отказа иранскому населению в подвозе продовольствия.

Я напоминаю Совету о том факте, что помощь, оказанная Ираном в ведении войны против общего врага, в частности обеспечение подвоза предметов снабжения из-за океана в Советский Союз, была официально признана в Тегеранской декларации³³, подписанной 1 декабря 1943 г. г-ном Черчиллем, маршалом Сталиным и президентом Рузвельтом. Иран порвал дипломатические отношения с державами оси — Германией и Италией — в сентябре 1941 г. и объявил войну Германии 9 сентября 1943 г. и Японии — в конце февраля 1945 года.

Представляемый мною меморандум излагает факты, относящиеся к этому прискорбному спору. Из меморандума видно, что иранское правительство искало разрешения этого спора непосредственным обращением к советскому правительству и пыталось, в соответствии со статьей 33 Устава, уладить дело путем переговоров. Как вы увидите из приложений к меморандуму, иранское правительство направило советскому правительству несколько нот, в которых указывало на вмешательство со стороны советских властей во внутренние дела Ирана, что составляет нарушение иранской независимости и суверенности, и просило советское правительство обсудить эти вопросы и исправить положение.

Но советское правительство или не отвечало на эти ноты или не считало возможным согласиться с протестами иранского правительства. Далее, иранский премьер-министр предложил в декабре 1945 г. приехать в Москву, в сопровождении иранского министра иностранных дел, для того чтобы уладить положение совместно с советским правительством. Это предложение было оставлено без внимания. Ввиду отказа советского правительства или обсудить положение или прекратить вмешательство во внутренние дела Ирана, иранскому правительству оставался единственный путь — довести этот спор до сведения Совета Безопасности, как ситуацию, которую повести к международным трениям.

Детальное изложение обстоятельств, приведших к этой ситуации, дано в меморандуме. В нем показано, что в нарушение международного права и трехстороннего договора о союзе между Советским Союзом, Великобританией и Ираном от 29 января 1942 г., в нарушение Декларации трех держав, подписанной Соединенными Штатами Америки, Великобританией и СССР относительно Ирана на Тегеранской конференции в декабре 1943 г. и в нарушение принципов, со-

³² Там же, Дополнение № 1, приложение 2В, прибавление А.

³³ См. Официальные отчеты Совета Безопасности, первый год, первая серия, Дополнение № 1, приложение 2В, добавление А.

³⁰ См. Официальные отчеты Совета Безопасности, первый год, первая серия, Дополнение № 1, приложение 2В.

³¹ См. Официальные отчеты Совета Безопасности, первый год, первая серия, Дополнение № 1, приложение 2А.

державшихся в преамбуле Устава Организации Объединенных Наций, произошел ряд случаев вмешательства советских властей во внутренние дела Ирана.

Хотя трехсторонний договор предусматривает, что присутствие союзных войск на территории Ирана не составляет военной оккупации и что оно должно по возможности меньше мешать местной администрации и иранским войскам безопасности, равно как и не нарушать хозяйственной жизни страны, нормального передвижения населения и применения иранских законов и постановлений, тем не менее советские власти мешали администрации Ирана, вмешиваясь в ее работу в той зоне, где находились советские войска. В Азербайджане эта политика зашла так далеко, что иранское правительство не имело никакой возможности осуществлять свою власть в этой части Ирана; иранские войска безопасности не могли выполнять свои функции по подавлению беспорядков; советские власти нарушали экономическую жизнь страны созданием на границе так называемой советской зоны внутренних застав, проникать через которые товарам и гражданским лицам можно было только по усмотрению советских властей; никаким вооруженным силам иранского правительства не разрешалось продвигаться далее этих границ. Советские власти не давали иранским властям применять иранские законы и постановления в этих районах, то вынося самостоятельные решения, то запрещая местным властям осуществлять законы Ирана.

Хотя иранское правительство до известной степени терпело эти нарушения территориальной неприкосновенности и международного права во время войны, оно утверждает, что теперь, когда война кончилась, должен быть положен конец этим вмешательствам в независимость и суверенность Ирана. По окончании войны некоторые беспокойные элементы в Азербайджане пытались вызывать недовольство и беспорядки. Для иранского правительства было бы легко выполнить свой долг по восстановлению порядка, если бы войска безопасности имели возможность вступить в соответствующие районы. Но в этом было отказано, и иранские войска были задержаны у русских застав. Это, по мнению иранского правительства, представляет собой явное вмешательство во внутренние дела Ирана.

Из меморандума видно, что это только один пример из многих. Результат таков, что целые районы не находятся более под контролем центрального правительства, которое из-за действий советских властей не может посылать войска или чиновников в эти части страны. Ввиду того, что такие действия со стороны советских властей находятся в противоречии с трехсторонним договором, иранское правительство просит, чтобы Совет Безопасности рекомендовал, чтобы условия трехстороннего договора строго выполнялись; чтобы до тех пор, пока эвакуация советских войск, согласно обязательству, не будет полностью закончена, советские власти не предпринимали никаких действий, противоречащих этому договору или Тегеранской декларации, чтобы войскам и чиновникам была дана возможность выполнять свои нормальные правительственные функции и чтобы советские войска или чиновники в Иране никаким образом не вмешивались в осуществление власти центральным правитель-

ством. Иранское правительство просит также, чтобы Совет Безопасности рекомендовал прекращение советскими властями всякой моральной и материальной поддержки повстанцам в Азербайджане или диссидентским элементам в других частях страны.

Как помнят два члена Совета Безопасности, а именно Соединенные Штаты Америки и Великобритания, правительства обоих, будучи уведомлены о том, что советские войска не допустили движения иранских войск безопасности в Азербайджан, сделали советскому правительству представление о том, что правительство Ирана должно иметь полную свободу посылать свои вооруженные силы в любую часть Ирана для поддержания порядка на своей территории. Представление Соединенных Штатов содержалось в ноте от 24 ноября 1945 г., врученной послом Соединенных Штатов в Москве советскому правительству. Эта нота, после ссылки на договор о союзе и Тегеранскую декларацию, заявляла, что выполнение заверений, данных в Тегеране, требует «полной свободы для правительства Ирана передвигать свои вооруженные силы в пределах Ирана таким образом, каким оно считает это необходимым для поддержания своего авторитета и внутренней безопасности, — без всякого вмешательства со стороны советских, британских или американских военных или гражданских властей»³⁴.

В своем представлении, содержащемся в письме британского посла в Москве от 27 ноября 1945 г. на имя г-на Молотова, советского комиссара иностранных дел, Великобритания также ссылалась на Тегеранскую декларацию и заявляла, что британскому правительству кажется совершенно понятным, что иранское правительство стремится к поддержанию порядка на своей собственной территории и что совершенно законным является, чтобы оно имело возможность перебрасывать свои войска внутри своей собственной страны с этой целью. Британское правительство высказывало надежду, что советское правительство даст указание своим вооруженным силам в Иране в том смысле, что они не должны вмешиваться в осуществление иранским правительством своих суверенных прав на поддержание порядка в пределах собственной территории.

29 ноября 1945 г. советское правительство дало ответ на ноту правительства Соединенных Штатов от 24 ноября. Советское правительство заявляло, что события, имевшие место в северном Иране, не были вооруженным восстанием, направленным против иранского правительства, но что они были вызваны реакционными элементами, настроенными против предоставления национальных прав населению северного Ирана.

Что касается иранских войск безопасности, советское правительство заявило, что оно не препятствует передвижению войск, которые уже находятся в районах северного Ирана, но что оно настроено против посылки новых иранских войск в северные районы потому, что это увеличило бы беспорядки и кровопролитие и в свою очередь заставило бы советское правительство ввести дополнительные советские войска для со-

³⁴ Текст правительственных нот, упоминаемых в вышеуказанном заявлении, приведен в Официальных отчетах Совета Безопасности, первый год, первая серия, Дополнение № 1, приложение 2В, прибавление А.

хранения порядка и обеспечения безопасности советского гарнизона. Поскольку советское правительство находило дополнительный ввод войск в Иран нежелательным, оно считало, что ввод новых иранских сил в северные провинции не принесет пользы.

Из этой ноты явствует, что позиция советского правительства прямо противоположна договору о союзе и Тегеранской декларации. Не советское, а иранское правительство должно судить о размере и характере беспорядков в Азербайджане, ибо советское правительство по договору обязано не вмешиваться во внутренние дела Ирана. Поэтому советское правительство своим заявлением, что оно не считает ввод новых войск в Иран необходимым, признает, что оно совершило нарушение договора о союзе, который предусматривает, что присутствие советских войск не есть военная оккупация и что никакое вмешательство во внутренние дела Ирана не должно иметь места.

Иранское правительство обращалось непосредственно к советскому правительству по вопросу о посылке войск и чиновников в северный Иран. В ноте советскому правительству от 17 ноября иранское правительство извещало советское правительство, что были отданы распоряжения о том, чтобы генерал-губернатор и губернаторы Азербайджана отправились для занятия своих постов. В дополнение к этому последовал приказ о посылке войск для восстановления порядка. Иранское правительство просило советское правительство об отдаче без промедления необходимых распоряжений советским военным властям о невмешательстве в свободу действий иранской армии и полиции. Иранское правительство предупредило, что если срочно не будет обращено внимание на эти вопросы, то при данной ситуации могут возникнуть гибельные последствия из-за стеснения свободы передвижения иранских войск, и что иранское правительство будет иметь право возложить ответственность за неприятие должных мер на советские военные власти.

После того как иранские вооруженные силы были задержаны советскими властями 21 ноября 1945 г., иранское правительство направило 22 и 23 ноября 1945 г. две ноты с просьбой, чтобы советским властям было немедленно дано телеграфное распоряжение о пропуске иранских войск.

26 ноября советское правительство ответило на спешную просьбу иранского правительства заявлением, уже приведенным выше, что если иранское правительство пошлет войска в Азербайджан, это только вызовет беспорядки и кровопролитие и что поэтому оно не считает возможным пропустить подкрепления в Азербайджан.

Остальная часть ноты советского правительства содержала категорическое отрицание многочисленных примеров вмешательства, приведенных иранским правительством в его ноте от 17 ноября. Заявление советского правительства в его нотах от 26 ноября иранскому правительству и 29 ноября правительству Соединенных Штатов о том, что оно не разрешило посылки войск в Азербайджан, избавляет меня от необходимости перечислять сейчас другие многочисленные случаи вмешательства со стороны советских военных и гражданских властей во внутренние дела Ирана; эти случаи полностью изло-

жены в меморандуме, который я сегодня представляю.

1 декабря иранское правительство отправило свой ответ советскому правительству с выражением удовлетворения по поводу заверений, имевшихся в советской ноте, что эти инциденты не будут более повторяться, что вмешательство в северных провинциях прекратится и что войска безопасности будут в состоянии свободно передвигаться. Иранское правительство просило уведомить его о срочных мерах, которые советское посольство рассчитывало принять, чтобы обеспечить свободу передвижения иранских военных и гражданских властей в северных провинциях. Было выражено несогласие с заявлением советской ноты о том, что советское правительство не может отвечать за отсутствие должностных лиц в тех провинциях, где присутствие этих лиц могло бы быть полезным только в том случае, если бы в их распоряжение были предоставлены иранские войска безопасности.

Как разъяснено в моем письме от 26 января Совету Безопасности, нота от 1 декабря никоим образом не заканчивала собой переговоров. Напротив, она содержала просьбу иранского правительства, чтобы войскам было разрешено проследовать в северный Иран.

15 декабря 1945 г., накануне совещания трех министров иностранных дел в Москве, иранское правительство направило Великобритании, Соединенным Штатам Америки и Советскому Союзу ноту с просьбой о полной и немедленной эвакуации союзных войск с территории Ирана. Впредь до выполнения этой просьбы, иранское правительство просило, чтобы иностранные вооруженные силы, находящиеся в Иране, воздержались от вмешательства в свободное передвижение иранских войск безопасности, с тем чтобы могла быть восстановлена в стране безопасность.

При этих обстоятельствах, просьба Ирана заключается в том, чтобы советские власти прекратили вмешиваться во внутренние дела Ирана и чтобы иранским вооруженным силам и чиновникам не затруднялось свободное передвижение по территории, на которой находятся советские войска, и не создавалось препятствий выполнению ими своих обязанностей и в особенности — чтобы не чинилось препятствий посылке иранских войск безопасности в Азербайджан или в любую другую часть Ирана для восстановления законности и порядка. Кроме того, иранское правительство просит, чтобы советское правительство отдало необходимые распоряжения о полном удалении всех советских войск и должностных лиц к 2 марта 1946 года.

Я уверен, что в том же духе справедливости, который движет новой международной организацией, и в соответствии с принципами, изложенными в пункте 4 статьи 2 Устава Объединенных Наций, Совет Безопасности удовлетворит просьбу Ирана о том, чтобы впредь до завершения ожидаемого вывода советских войск Иран имел полную свободу действий на своей территории.

Добавляю к этому, что, излагая эти факты, иранская делегация желает сохранить добрые отношения с Советским Союзом. Я пытался корректно и объективно изложить факты, относящиеся к этой неприятной ситуации, которая, как искренне надеется иранская делегация, раз-

яснится путем рекомендаций Совета Безопасности в целях поддержания длительной дружбы между Советским Союзом и Ираном.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (говорит по-английски): Я приглашаю теперь представителя Союза Советских Социалистических Республик сделать устное заявление в виде дополнения или пояснения к письменной ноте, которая уже представлена Совету.

А. Я. ВЫПИНСКИЙ (Союз Советских Социалистических Республик): Я считаю необходимым сделать следующее заявление.

Как я сказал ранее, я оставляю в стороне вопросы, поднятые иранской делегацией по поводу существа дела, и коснусь лишь процедурной стороны. Я постараюсь привести доказательства в опровержение фактов, представленных тем иранским правительством, которое уже не у власти и претензии которого не имеют никаких оснований.

Поднятые иранским правительством вопросы изложены в двух иранских заявлениях. Но эти вопросы не могут быть предметом обсуждения в Совете Безопасности, поскольку они не отвечают условиям, установленным для этого в Уставе. Однако я должен буду коснуться некоторых фактических данных, неправильно и тенденциозно освещенных иранской делегацией. Сейчас является необходимым решить, должен ли или не должен Совет Безопасности заниматься вопросом, поставленным бывшим иранским правительством Хакими, имевшим очевидно задачу попробовать ухудшить существующие между Ираном и Советским Союзом отношения.

Перехожу к процедурной стороне вопроса. Здесь имеются два основных момента. Во-первых, необходимо установить, были ли, или нет, переговоры между иранским и советским правительствами. Во-вторых, необходимо рассмотреть результаты таких переговоров. В первой декларации, сделанной иранской делегацией Совету Безопасности 19 января, иранская делегация заявляла, что иранское правительство неоднократно пыталось вступить в переговоры с советским правительством, но не достигло успеха. Сейчас, как и во втором документе, иранская делегация уже признает, что иранское правительство не только пыталось вступить в переговоры с советским правительством, но что такие переговоры действительно имели место. Таким образом, иранская делегация сама опровергла свое первое утверждение.

Остается второй вопрос, а именно: каковы результаты этих переговоров?

В своем заявлении 24 января в Совете Безопасности советская делегация указывала, что иранское правительство в ноте от 1 декабря выражало свое удовлетворение в связи с заявлением советского правительства, содержащимся в его ноте от 26 ноября. Иранская делегация указывает на неточность перевода иранской ноты и старается представить дело так, будто оно не было удовлетворено результатами обмена нотами между советским правительством и иранским правительством в ноябре прошлого года. Я не буду поднимать спора филологического характера и вообще не буду спорить по поводу правильности или неправильности тех отдельных слов, на которые ссылается иранская делегация. Я воспользуюсь тем текстом ноты иранского правительства от 1 декабря, который иранская де-

легация разослала членам Совета Безопасности. Из этого текста следует, как это ни желательно отрицать иранской делегации, что иранское правительство, в лице своего министра иностранных дел, отметило с удовлетворением содержание заявлений, изложенных в советской ноте от 26 ноября. Для того чтобы решить, какого характера были эти заявления, необходимо, разумеется, обратиться к этим заявлениям, т. е. к ноте советского правительства от 26 ноября. Обратившись к этой ноте, можно убедиться, что в советском заявлении говорилось о том, что вмешательство советских служащих во внутренние дела Ирана в северных округах не соответствует действительности, что, наоборот, в советской ноте от 26 ноября вовсе не говорится о том, что «впредь подобные инциденты не будут повторяться», как это утверждает иранская делегация. В самом деле, как могла нота иранского правительства, датированная 1 декабря, выражать удовлетворение по поводу заявления советского правительства, что эти «инциденты не будут повторяться», если советская нота, по поводу которой иранское правительство выражало удовлетворение, не содержит в себе заявления, что «инциденты не будут повторяться»? Но имеется и другое место в иранской ноте от 1 декабря, доказывающее, что иранское правительство в это время было удовлетворено.

Цитирую его по тексту, присланному г-ном Такизаде:

«Ваше заверение [т. е. заверение советского правительства, содержащееся в советской ноте от 26 ноября] в том, что должностные лица Советского Союза полностью уважают условия трехстороннего договора и декларации, подписанной в Тегеране тремя великими державами (которые являются союзниками Ирана), также является источником удовлетворения»³⁵.

Таким образом, совершенно очевидно, что иранское правительство было удовлетворено результатами переговоров, происходивших в ноябре 1945 года между советским и иранским правительствами по вопросу, который сейчас иранское правительство добивается поставить на рассмотрение Совета Безопасности.

Я должен также отметить, что в это время, т. е. в декабре 1945 года, иранское правительство не проявляло желания продолжать переговоры по данному вопросу. В доказательство можно привести следующий абзац из той же ноты иранского правительства от 1 декабря:

«В ответ на сообщение» — говорится в этой ноте — «в котором вы заявляете, что обвинения во вмешательстве советских служащих в наши внутренние дела в северных провинциях необоснованы, министерство иностранных дел не желает в настоящее время входить в дальнейшие объяснения по этому вопросу и выяснять его происхождение»³⁶.

Как же теперь иранская делегация заявляет, что попытки иранского правительства вступить в переговоры с советским правительством не дали результатов?

Из всего сказанного выше видно, что этот результат был налицо. Видно также, что перегово-

³⁵ См. Официальные отчеты Совета Безопасности, первый год, первая серия, Дополнение № 1, стр. 31.

³⁶ См. Официальные отчеты Совета Безопасности, первый год, первая серия, Дополнение № 1, стр. 31.

воры не велись после 1 декабря, потому что этого не хотело само иранское правительство, которое, очевидно, не видело в этом необходимости. Можно ли в самом деле на основании изложенных выше фактов говорить, что переговоры между советским правительством и иранским правительством не имели успеха? Советское правительство отвечает: Нет, этого говорить нельзя. В действительности были достигнуты результаты, и эти результаты были таковы, что иранское правительство не считало нужным продолжать переговоры.

Иранская делегация ссылаясь здесь на ноты датированные более поздними числами декабря — 13 и 15 декабря. Эти ссылки иранской делегации на указанные ноты преследуют цель показать, что и после 1 декабря иранское правительство обращалось к советскому правительству с аналогичными претензиями, которые, однако, не были якобы удовлетворены. Но если обратиться к этим нотам иранского правительства, то окажется, что они говорят не о претензиях, с которыми ранее иранское правительство обращалось к советскому правительству, а поднимают совершенно новые вопросы, а именно вопрос о том, чтобы московская конференция трех министров обсудила пожелание иранского правительства о выводе из Ирана иностранных войск, и о том, чтобы на московской конференции не принималось никаких решений без предварительной консультации с иранским правительством. Можно поэтому утверждать, что после 1 декабря иранское правительство не повторяло своих претензий к Советскому Союзу, и ссылка на ноты от 13 и 15 декабря не имеет никакого отношения к вопросу, поставленному иранской делегацией перед Советом Безопасности. Что касается существа этих декабрьских нот, в которых затрагивается вопрос о выводе иностранных войск из Ирана, то это предусмотрено договором 1942 года, установившим, как известно, для этого существующий срок. Как также известно, московское совещание трех министров иностранных дел не обсуждало иранских вопросов, и следовательно претензия Хаками, заявленная в свое время по поводу того, что он не был приглашен на московскую конференцию, лишена всякого основания.

Подведу итоги этой части своего заявления. Считаю доказанным, что в ноябре 1945 года между советским правительством и иранским правительством происходили переговоры по поводу предъявленных иранским правительством претензий и что эти переговоры дали удовлетворительный результат. Теперь иранская делегация, по указанию иранского правительства, смененного, как известно, ныне другим правительством, заявляет, что эти переговоры она не считает удовлетворительными. В таком случае иранская делегация имеет все возможности вновь обратиться к советскому правительству за выяснением интересующих ее вопросов.

В своем заявлении Совету Безопасности советская делегация писала, что советское правительство не может не обратить внимания на то, что за последнее время в Иране усилилась враждебная Советскому Союзу пропаганда при явном попустительстве со стороны правительства Хаками.

Советская делегация писала, что эта пропаганда ничем не отличается от фашистской про-

паганды, которая велась в свое время против Советского Союза при Риза-шахе. В этом заявлении далее говорилось:

«Враждебная Советскому Союзу антидемократическая и погромная деятельность реакционных сил в Иране, пользующихся поддержкой некоторых иранских влиятельных групп из правящих кругов и полицейских властей, создает для Азербайджанской ССР и для Баку опасность организации враждебных действий, диверсионных актов и т. п. Советское правительство, однако, считает, что подобного рода вопросы, касающиеся взаимоотношений между двумя соседними странами — СССР и Ираном, — могут быть и должны быть урегулированы путем двусторонних переговоров между советским правительством и иранским правительством. Советское правительство от такого способа урегулирования подобного рода вопросов, возникающих между соседями, не отказывалось и не отказывается»³⁷.

Я спрашиваю теперь Совет Безопасности, имеется ли какое-либо основание для рассмотрения Советом Безопасности поставленного перед ним иранским правительством Хаками и иранской делегацией вопроса? Я отвечаю: нет, такого основания не существует.

Таково фактическое положение дела. Я хотел бы, однако, проанализировать обоснованность иранского заявления в Совет Безопасности и с юридической точки зрения, с точки зрения ответственности этого заявления иранской делегации Уставу Организации Объединенных Наций.

Такому анализу я должен подвергнуть обстоятельства этого вопроса в связи со статьями 33, 34, 36, 37 Устава. В статье 33 Устава говорится:

«Стороны, участвующие в любом споре, продолжение которого могло бы угрожать поддержанию международного мира и безопасности, должны прежде всего стараться разрешить спор путем переговоров, обследования...» и т. д., как указывается в этой статье.

Устав Организации, следовательно, обязывает членов Организации стараться разрешить спор путем переговоров и т. д., и даже, как это говорится в дальнейшей части этой статьи, может требовать от сторон разрешения их спора при помощи средств, указанных в статье 33.

Если сопоставить содержание статьи 33 со всеми обстоятельствами, о которых говорила здесь иранская делегация, то станет совершенно очевидным, что Совету Безопасности в данном случае не приходится предъявлять Советскому Союзу какие-либо требования, предусмотренные в статье 33.

Следующая относящаяся к этому вопросу статья 34 гласит:

«Совет Безопасности уполномочивается расследовать любой спор или любую ситуацию, которая может привести к международным трениям или вызвать спор, для определения того, не может ли продолжение этого спора или ситуация угрожать поддержанию международного мира и безопасности».

Достаточно сопоставить обстоятельства, о которых говорилось здесь иранской делегацией, со

³⁷ См. Официальные отчеты Совета Безопасности, первый год, первая серия, Дополнение № 1, приложение 2А, стр. 10.

статьей 34, чтобы не оставалось никакого сомнения в абсолютной непричастности к данному вопросу этой статьи, имеющей в виду спор или ситуацию совершенно иного порядка. Назову дальше статью 36 Устава:

«Совет Безопасности уполномочивается в любой стадии спора, имеющего характер, указанный в статье 33, или ситуации подобного же характера, рекомендовать надлежащую процедуру или методы урегулирования».

Эта статья здесь неприменима, так как для такого рода рекомендаций здесь нет места, поскольку советское правительство отчетливо заявило о том, что считает единственным приемлемым способом урегулирования таких вопросов между соседними странами — двусторонние переговоры.

Наконец, статья 37, пункт 1:

«Если стороны в споре, имеющем характер, указанный в статье 33, не разрешат его при помощи указанных в этой статье средств, они передают его в Совет Безопасности».

Эта статья имеет в виду положение, когда стороны не могли или оказались не в состоянии договориться. Совершенно очевидно, что такого положения в данное время в отношениях между СССР и Ираном нет, и следовательно нет и основания для применения статьи 37 Устава.

Анализ указанных выше статей Устава неоспоримо доказывает, что Совет Безопасности не имеет никаких оснований для рассмотрения по существу заявлений иранской делегации. Советская делегация предлагает предоставить Советскому Союзу и Ирану самим урегулировать настоящее дело.

Советская делегация, внося такое предложение, исходит из интересов добрососедских отношений между членами Организации, из интересов укрепления международного доверия и благожелательного отношения друг к другу и стремления к укреплению единства и дружбы в рядах Организации Объединенных Наций.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (говорит по-английски): Желает ли представитель Ирана говорить теперь же? Я собирался предложить, что настоящий момент, может быть, удобен для закрытия заседания до 3 часов дня в среду. Если пред-

ставитель Ирана считает необходимым выступить, я должен буду спросить мнения Совета.

Хорошо. Могу ли я считать, что желание Совета — чтобы продолжение прений было отложено до следующего заседания?

А. Я. ВЫШИНСКИЙ (Союз Советских Социалистических Республик): Я предложил бы не переносить окончания этого вопроса на следующее заседание, потому что разбивать этот вопрос на две части, это отнюдь не целесообразно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (говорит по-английски): Есть ли еще представители, желающие высказаться по вопросу об объявлении перерыва в настоящий момент? В таком случае я попрошу Совет приступить к голосованию. Тех, кто за предложение отложить настоящее обсуждение до заседания Совета в 3 часа дня в среду, прошу поднять руку.

Производится поднятие рук.

Против предложения?

Производится поднятие рук.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (говорит по-английски): Так как семь представителей высказались за перерыв, объявляю предложение принятым.

Позвольте мне теперь указать представителю советской делегации на то, что если принять во внимание заявление, сделанное им Совету, и текст письменного заявления, а также устное заявление, сделанное сегодня иранским представителем, — возникает вопрос, существует ли спор. Если Совет согласится с тем, что спор существует, тогда, ввиду того что Советский Союз указан как сторона, участвующая в этом споре, согласно положениям пункта 3 статьи 27 представитель Советского Союза должен будет воздерживаться от голосования при рассмотрении настоящего вопроса в тех случаях, когда дело будет касаться решений, упомянутых в этом пункте. Это конечно не относится к решениям, касающимся процедурных вопросов или вопросов, упомянутых в пункте 2 статьи 27.

Объявляю заседание Совета закрытым до 3 часов дня в среду.

Заседание закрывается в 6 ч. 08 м. вечера.

ЧЕТВЕРТОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Официальное сообщение

29 января 1946 года состоялось закрытое заседание Совета Безопасности, на котором было единогласно постановлено рекомендовать Генеральной Ассамблее для назначения на должность Генерального Секретаря министра иностранных дел Норвегии г-на Трюгве Ли³⁸.

Председатель Совета Безопасности г-н МЕЙКИН (Австралия) срочно снесся с г-ном Ли, чтобы выяснить, согласен ли он принять это назначение.

³⁸ См. Официальные отчеты Совета Безопасности, первый год, первая серия, Дополнение № 1, приложение 6.